

## «ВАМ НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ФОЛЬКЛОРИСТИКА...»

*2 июня доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом фольклора ИМЛИ РАН Виктор Михайлович Гацак отметил свой семидесятилетний юбилей. Для всех его коллег и учеников это заметное событие. Трудно представить себе аспиранта или докторанта в Москве и далеко за ее пределами, которому не довелось хотя бы раз беседовать с Виктором Михайловичем о теме своего исследования. Во время таких бесед всегда поражаешься широте научного кругозора В.М. Гацака. Он всегда предлагает свое видение научной проблемы. Это общение и становится лучшей школой для молодых ученых.*

*Данная публикация задумывалась как интервью с Виктором Михайловичем, но взять его оказалось очень непросто из-за крайней перегруженности юбиляра. Поэтому так и не состоявшаяся беседа «за круглым столом» приняла иные формы: разговоры на ходу, «в перерыве между», по телефону. По просьбе редакции ее провела член редколлегии альманаха «Традиционная культура», доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора ИМЛИ РАН В.А. Бахтина. И вот что из этого, в конечном итоге, получилось.*



— Виктор Михайлович, кого Вы считаете своими учителями в науке?

— Начну с Кишинева. Первым назову Николау Григорьевича Корлэтяну — он читал нам в университете все курсы по языку, я же кончал отделение молдавского языка и литературы. Вторым назову Дмитрия Евгеньевича Михальчи (по матери он происходил из Ермоловых). Он работал в ИМЛИ, преподавал в ИФЛИ, МГУ, Потемкинском институте; последние годы своей жизни работал в «Лумумбе». Он был специалистом по романским языкам, прекрасно знал румынские летописи, литературу. Одно время он был директором Института языкознания, основал Институт русского языка.

Я поступал в целевую аспирантуру ИМЛИ в 1955 г. и намеревался заниматься молдавской литературой. И вдруг телеграмма из Молда-

вии: «Вам надлежит поступать по специальности фольклористика». Она и определила мою дальнейшую судьбу. Д.Е. Михальчи взялся мною руководить, хотя не считал себя фольклористом. Как бы в помощь себе он призвал Владимира Ивановича Чичерова, который и стал моим третьим наставником.

В 1956 г. я поехал в Ярославскую экспедицию. Жили мы в основном в с. Спасском. У Матвея Ивановича Соколова (отца Б.М. и Ю.М. Соколовых) там был дом, куда они всей семьей приезжали на лето. Очень может быть, как я думаю теперь, — но это мое предположение, — что мы жили именно в этом доме. Руководила экспедицией Эрна Васильевна Померанцева. Это была школа собирательства. В экспедиции участвовали Нина Ивановна Савушкина, Лидия Андреевна Астафьева, Софья Исааковна Минц, Кира Дубровина (она потом работала в Университете им. Патриса Лумумбы). Потом мы готовили сборник «Песни и сказки Ярославской области». Вот так.

Теперь ИМЛИ. Вообще получилось так, что в те годы, когда я учился в аспирантуре, очень смело разворачивалось эпосоведение — и в секторе ИМЛИ, и на конференциях, и в работе двуязычной серии «Фольклор народов...». Действительно, у нас в секторе в ИМЛИ тогда работали П.Г. Богатырев, И.С. Брагинский, Е.М. Мелетинский, М.И. Богданова, Б.А. Корыев, У.Б. Далгат, А.Н. Нечаев, И.В. Пухов, Б.П. Кирдан. На заседаниях мы, аспиранты, ловили каждое слово.

Дальше в своей научной деятельности я более всего тяготел и до сих пор тяготею к В.Я. Проппу, к его сравнительным работам по Востоку и Западу, а затем к Б.Н. Путилову, к его «историко-песенному фольклору».

— *В последние годы Вы обратились к обоснованию и практическому выявлению константности в фольклоре разных народов. Как Вы себе представляете соотношение константности и формульности (в том виде, как она представлена у Пэрри-Лорда), константности и клишированности, общих мест в фольклоре?*

— Константы проступают на всех уровнях. Ими, конечно, являются: сам фольклор, как область и вид творчества, система фольклорных жанров и каждый жанр в отдельности,

сфера выбранных слов в их устоявшихся сочетаниях и связях (чему несложно уловить соответствие в музыке, танце, резьбе, орнаменте и пр.). В этой преимущественно фактурно-стилевой материи различимы свои константы. Определенной их части становится присущей формульность, но обычные константы обнаруживают подвижность очертаний (поэтому и удобнее, на наш взгляд, пользоваться данным термином: он не обладает ореолом законченной очерченности).

При этом формулы, общие места, клише сохраняют свое значение, свою роль в зависимости от профиля, материала работы и задач. Например, формула и формульность превосходно работают в исследованиях Пэрри и Лорда. Но тот же Лорд акцентировал, например, роль сюжетных конфигураций, скрепленных внутренним натяжением. А это уже стабильность сюжетная, и ее удобнее обозначать словом «константа». Тем более это ощутимо, когда речь идет о жанре, о виде фольклора и совокупности видов фольклора (вербального, акционального, предметно-изобразительного и т.д.). Здесь предпочтительнее именно константность, поскольку она приложима к любому из видов фольклора, и подобное терминологическое именование соответствует и такому генеральному обозначению, свойственному мультимедийности фольклора, каким является *память традиции* (не смешивать с памятью в фольклоре). Может быть, это как раз один из тех искомым определителей, без которого невозможно обойтись при рассмотрении фольклора как феномена многосубстанционального.

Сам термин «константа» имеет определенную традицию. Ф.И. Буслаев, например, не употреблял слов «формула», «формульность». Он говорил о формах описания. А.Н. Веселовскому в его «Исторической поэтике» понадобилось слово «формула». Для Э. Курциуса понятие «константа» соотносилось с понятием «топоса» (так он обозначал «общее место»).

— *Что такое «этнопоэтическая константность» в Вашем представлении?*

— Под этнопоэтической константностью мы понимаем совокупность стилевых и сюжетно-повествовательных координат изображаемого фольклорного мира — и всего происходящего в нем — в непосредственном тексто-

вом, притом наследуемом, воплощении: вербальном, музыкальном, предметном и т.д. За этим стоит, во-первых, представление о фольклоре как многосубстанциональном явлении; во-вторых, убежденность в том, что главное свойство фольклора — *память традиции*; в-третьих, в термине «этнопоэтика» отражается тот факт, что в фольклоре не бывает отдельно только этнологически значимых явлений (скажем, обряд и этнографичен и художествен по сути и структуре), точно так же, как нет в нем ничего такого, что могло бы именоваться только поэтическим, ибо каждый жанр, любой «добрый молодец», «мать-сыра земля», любая пословица и т.д. и т.п. коннотируются с миром человека *этнического*. И так это у любого народа.

— *Мой учитель Татьяна Михайловна Акимова строго придерживалась (и требовала того же от своих аспирантов) взгляда на большую, чем в литературе, самостоятельность и определенность категории жанра в фольклоре. Могут ли одни и те же константы наличествовать в разных жанрах и свидетельствует ли это о каких-то кроссжанровых связях и зависимостях?*

— Константы нередко обладают проявляемостью не только в текстах одного жанра. Появляясь в текстах двух и более жанров, константы остаются принадлежностью каждого из них, то есть не образуют некую интертекстуальную полосу между ними, что важно для самой теории этнопоэтических констант.

— *Поясните, пожалуйста, это на примере.*

— Сошлемся на одно из наблюдений А.А. Ахлакова над адаптацией одних и тех же сравнений и символов в аварских песенных текстах, различающихся по коллизиям и по жанровой природе. А.А. Ахлаков отчетливо оттенил то, что антитетические образные пары «волк — овцы» и «орел — куропатки» в героико-исторической песне передают стремительность налета, быстроту героя, реакцию врага, а в песне лирико-бытовой эти же уподобления имеют в виду других действующих лиц и иной характер действий, когда орел и волк символизируют возлюбленного или жениха, а куропатка или ягненок — девушку.

— *Что принципиально нового в постижении фольклорной субстанции, совершенствовании текстологии фольклора дали уже вышедшие (кажется 23) тома 60-томного свода «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока», за который Вы и Ваши коллеги получили Государственную премию?*

— Огромное число произведений публикуется впервые. Это придает серии уникальную новизну. Тексты воспроизводятся без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка. Серия двуязычна. Ей в значительной мере придается комплексный характер, с особым акцентом на сочетании филологического, музыковедческого и этнографического подходов. К каждому тому прилагается грампластинка или компакт-диск с образцами публикуемых вариантов. Открывается перспектива дальнейших шагов. В частности, готовится видеоматериал.

Уникальный эксперимент был осуществлен при подготовке шорского тома. Одно из сказаний — «Кааган Перген» — исполнялось совсем необычно: кайчи П.К. Кыдыяков пел под инструмент часть эпоса (тираду), затем произносил ее же мерной речью без пения (поскольку поющий под аккомпанемент текст было трудно воспринять на слух). Было принято решение расшифровать всё сказание в полном соответствии с фонозаписью. Подготовивший том А.И. Чудояков провел расшифровку *обоих слоев текста*, а этномузыковед Р.Б. Назаренко расшифровала 90 обширных тирад. Такая методика работы применена в эдиционной практике впервые. В алтайском томе тексты сказаний «Очи-Бала» и «Кан-Алтын», взятые за базовые, сопровождаются указаниями на отличия, выявившиеся в другой записи от того же исполнителя. Подача различий (пропуски, добавления, вариации) к двум столь крупным сказаниям также реализована впервые.

— *Можно ли коротко обозначить итоги и основные задачи науки о фольклоре и традиционной культуре сегодня?*

— Скажу только о последних десятилетиях. Ощутимы существенные сдвиги в таких

областях, как этнолингвистика, лингвофольклористика, этномузыковедение, этнопоэтика и текстология фольклора. Общезначимы результаты исследований заговорной поэзии и действий детского фольклора, сказочной прозы, свадебного фольклора и обряда. Отрадно, что стали изучаться отреченные прежде разделы фольклора (например, духовные стихи) и смежные традиционные сферы; складывается теория и аналитика послефольклорных форм. Много нового в содержании периодических изданий (назовем выпуски Государственного республиканского центра русского фольклора — «Живая старина» и «Традиционная культура»), школ и семинаров молодых фольклористов (вузовских, академических).

Пришли современные информационные технологии (включая цифровую архивацию материалов и спасение старых записей). Подготавливается электронная библиотека фольклора и фольклористики (ИМЛИ, РГГУ). Обретается очертания комплексная (мультимедийная) текстология.

Важные перспективы сулят специализированные подходы (филологические, музыковедческие и др.) и встречные их движения (вопреки инерции невнимания к тому, что делают соседи по работе с фольклором — свособразное *non leguntor*).

Пожалуй, задача задач — развитие многоэлементной текстологии всех видов фольклора, а еще большая — повышение дефинитивности изданий, то есть того главного, что мы обязаны послать в будущее, не ущемляя ничего из *всего* имеющегося богатства (при том, что не могут отходить на некий второй план эпос, песня, сказка, обряд, танец, декоративное искусство и др., которые всегда были феноменами первого ряда в классической многодисциплинарной фольклористике).

— Виктор Михайлович, Вы много и успешно работаете с молодежью. Двадцать с лишним Ваших учеников стали кандидатами филологических наук. Что бы Вы хотели пожелать молодым фольклористам и всем тем, кто занимается проблемами традиционной культуры?

— Пожелать не молодым фольклористам, а пожелать себе работать и далее с молодыми фольклористами. В доме ученых Сибирского Академгородка мне кто-то рассказал однажды,

что в институте Буткера висит объявление: «Аспиранты, общайтесь с научными руководителями: им это полезно». А самим молодым ученым хочется пожелать неослабевающей восприимчивости к экспериментальным видам собирательской и исследовательской работы; предпочитать теорию, погруженную в большие текстовые массивы и вытекающую из них.

Могу назвать и очень конкретную, но большую проблему, собирательскую и эдиционную: искать пути и формы преодоления разрыва между полной подачей вербального текста и фрагментарным приведением текста музыкального, кинетического (акционального) и т.д. Нормам академичности это, конечно, не отвечает. В данном случае нужны не иллюстрации, а мультитекст в его цельности.

— Могу ли я задать вопросы более личного характера? Вы считаете себя счастливым человеком? Удовлетворены ли Вы тем, как сложилась Ваша судьба?

— Конечно, да. И предоставленные ею мне возможности превзошли какие-либо ожидания. Об одном очень хочется сказать: может быть оттого, что как-то стали соединяться разные субстанции и проступать какие-то цельные контуры, нынче с особой охотой я расписываю милые моему сердцу константы разных уровней и народов, и число этих папок, боюсь, давно стало больше, чем грядущее и желаемое их воплощение в книгах. Но, в конце концов, на то и даются ученики и соратники. Может, только один участок должно все-таки вести до конца: восточнороманский героический эпос, включая задунайские и владшские традиции (а там, по меньшей мере, три диалекта, почти равных особым языкам).

— Виктор Михайлович, позвольте мне от имени редакции и от себя лично поблагодарить Вас за это интервью. Для альманаха чрезвычайно важен диалог с Вами, и мы все с нетерпением ждали этой встречи.

От редколлегии научного альманаха «Традиционная культура» и его читателей нам остается пожелать Виктору Михайловичу Гацаку здоровья, бодрости во имя успешного завершения начатых трудов и новых творческих инициатив.

И.Н.  
(Мос)Ре  
дицио  
летик  
вольск  
2001.-Дос  
д  
лорист  
ча) См  
«Худож  
ры», из  
публик  
Исслед  
ющих  
родной  
учрежд  
ронжа  
В первс  
версаль  
ры, во  
сти. Но  
книге ц  
Григорь  
го учен  
собирад  
чика, чу  
человек  
есть в ж  
лым сто  
духу лю  
Обре  
вую оче  
22]. Юби  
лях и нас  
зии и Э.Е